

ФИННЫ
 * В *
 ЕВРОПЕ
 VI-XV
 ВЕКА

Э II Э

Е3

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ФИНЛЯНДСКО - СОВЕТСКАЯ СМЕШАННАЯ ГРУППА ПО НАУЧНОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

ФИННЫ В ЕВРОПЕ. VI-XV века.
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАРОДЫ.
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 2
Русь, финны, саамы, верования

Москва 1990

в общем облике самого комплекса этнографического убора, в традиции ношения отдельных элементов наряда, в характере орнаментации самих тканей. Все это свидетельствует об этногенетическом родстве обитателей Залахтовья и Валговиц.

Если материалы женских погребений дают достаточные основания для реконструкции древней финской одежды, то облик более скромного мужского костюма восстанавливается в редких случаях. И именно поэтому особый интерес представляет мужское захоронение I86 из могильника Залахтовье, в котором благодаря многочисленным бронзовым украшениям сохранились значительные куски тканей (XI в.).⁸ На погребенном зафиксирована короткая шерстяная рубаха с двумя боковыми вырезами, богато орнаментированная украшениями из мелких бронзовых спиралек. Рубаху носили с поясом, к которому был подвешен нож в кожаных ножнах. Поверх рубахи находилась накидка, перекинутая через левое плечо и заколотая на правом боку фибулой. В данном случае был зафиксирован лишь один из возможных способов ношения накидки, при иных ситуациях она могла одеваться и по другому.⁹ В состав мужского наряда входили пять браслетов и четыре перстня, а так же орнаментированные обмотки ног. В целом мужской костюм из Залахтовья по своему общему облику восходит к одежде характерной для народов Балтийского региона.

Общий анализ инвентаря погребений курганов Ижорского плята и Причудья позволяет заключить, что в XI-XII вв. на северо-западе Новгородской земли складывается определенный комплекс древностей, характеризующий древнерусскую культуру этой территории. В нем выделяются три основных компонента: I - общедревнерусский представленный многочисленными категориями изделий, распространенных на широких территориях Древней Руси; 2 - региональный и "областной", характеризующийся наличием древностей, пользовавшихся особой популярностью только у населения северо-западных областей Новгородской земли; 3 - финно-угорский, фиксирующий различие на рассматриваемой территории прибалтийско-финских коллективов или документирующий направление этнокультурных контактов с финским населением соседних областей. Он представлен преимущественно древностями, в своей основе тяготеющими к культурам Юго-восточной Прибалтики.

Отмеченная многокомпонентность культуры окраины Новгородской земли сохранялась и в последующее время. Однако, комплекс ведущих древностей здесь не оставался неизменным, в своем раз-

тии отражая определенные процессы, протекавшие в среде разнотничного населения региона.

1. Конецкий В.Я., Носов Е.Н., Хвошинская Н.В. О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С.161-167.
2. Конецкий В.Я. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревянцы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып.2 (12). Л., 1984. С.48-53.
3. Там же. С.53,54.
4. Paulaharin Hevaan inkeroispuku // Suomen Museo. 1912. Пртыкова Н.Ф. Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С.319,320.
5. Комплекс одежды аануа-хурстут по этнографическим материалам известен у ижоры. Однако, следует отметить, что подобная форма одежды была зафиксирована А.Шегреном у Креингов - группы водского населения угнаного в XIV в. ливонскими рыцарями под Бауск. (Шлыгина Н.В. О русских элементах в женской одежде води // Этнографические исследования северо-запада СССР. Л., 1977. С.131).
6. Vahter T. Les "kaatteris" Chez les peuples finnois pendant l'âge récent du fer // ESA. VII. Helsinki. 1932. P.183-194.
7. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki. 1979. S.21. Kuva 9.
8. Хвошинская Н.В. Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли // КСИА. 1984. Вып.179. С. 39-44.
9. The Viking. Gothenburg. 1966. P.204,205.

Е.Н.Носов
ФИННО-УГРЫ И НОВГОРОД I

Судя по новейшим археологическим данным район верхне-течения Волхова и северо-западного побережью оз. Ильменя, так называемого Поозерья, в конце I тысячелетия н.э. явились центром при-

шедшей сюда северной группы - славян - словен новгородских.²

Здесь в Перыни, на холме у истока Волхова находилось их главное языческое святилище. Ведущую роль среди этих поселений в IX в. стало играть Рюриково городище - значительный торгово-ремесленный и военно-административный поселок на месте известной в дальнейшем по русским летописям резиденции новгородских князей.

Почти одновременно со славянами на берегах Волхова появились и выходцы из Скандинавии. В верховьях Волхова и в Поозерье весно и в начале лета они встретили множество поселков среди залитой поймы Волхова и Ильменя, что возможно и вызвало появление названия всей местности - Хольмгард, которое некоторые исследователи интерпретируют как "поселения в островной местности", "страна островных хуторов."³

На рубеже IX-X вв. - в начале X в., в 2 км вниз по течению Волхова от Рюрикова городища были построены новые укрепления - Новый город, противостоящий Городищу и ставший центром обширной новгородской волости - земли. На него перенесли скандинавы пренее название всего района - Холмград.⁴

До прихода славян Приильменье было занято редким финно-угорским населением, от которого славяне переняли ряд местных гидронимов. Так, название оз. Ильмень (в летописях Илмърь) убедительно объясняется исследователями из финно-угорских языков, как Илм-ярв, то есть "озеро, определяющее погоду".⁵ Также финским по происхождению являются такие наименования как Мста, Вишера, Тигода и др.

Какие финские племена или племя заселяли Приильменье перед приходом сюда славян мы не знаем. Русские летописи сообщают о финских народах, живших на окраинах Новгородской земли, но ничего "не помнят" об автохтонном населении ее центра. Это нельзя связать с тем, что здесь процесс ассимиляции местных финнов славянами ко времени составления летописных сводов (XI в.) уже полностью завершился. На основании имеющихся материалов, можно утверждать, что активное освоение славянами ильменского Поозерья началось в VIII-IX вв.

В 1925 г. К.Б. Викlund высказал предположение, с которым, в целом согласился Х.А. Мора, о том, что районы Приильменья вдребезги заселял особый прибалтийско-финский народ - "чудь", с которым и столкнулись славяне.⁶ Первоначально "чудь" обозначала какое-то определенное племя, а затем это название было распространено и на другие прибалтийско-финские племена.⁷ Что касается

археологических материалов, то поселения эпохи раннего железного века, относящиеся к I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. изучены в окрестностях Новгорода еще недостаточно. В последние годы нами обнаружено 12 поселений с сетчатой, штрихованной и гладкостенной керамикой, украшенной различными вдавлениями.

До прихода славян финское население бассейна оз. Ильмень вели комплексное хозяйство, основу которого составляли оседлое скотоводство и подсечное земледелие, при значительной роли охоты и рыболовства. Финские племена к концу I тыс. н.э. находились на стадии разложения общинно-родового строя.

Успех славянской колонизации, как справедливо отмечал Х.А. Мора, был обусловлен тем, что "более совершенные способы и орудия земледелия (прежде всего, пашенное земледелие, как основа хозяйства - Е.Н.) и вообще более высокий уровень развития производительных сил давали славянам явный перевес над местными племенами. Обладая соответственно и более развитой общественной организацией, славяне в дальнейшем постепенно ассимилировали коренное население".⁸

Именно славяне в Приильменье в IX-X вв. являлись социально активной группой населения и определяли здесь процесс классообразования, сложения государственности и возникновения городов, как торгово-ремесленных и военно-административных центров. В этом процессе активную роль сыграли скандинавы, появившиеся в Поволжье уже в середине VIII в.⁹ В то же время, предположение некоторых исследователей о Неревском конце Новгорода, как изначальном укрепленном племенном центре финнов, не подтверждается источниками.¹⁰ Однако, как только город возник и превратился в столицу Северной Руси, крупный торговый, ремесленный и культурный центр в орбиту его влияния, в сложные отношения города и тянувшихся к нему земель, оказались вовлечеными и финские народы.

В культурном слое Новгорода встречены разнообразные находки, в основном, ювелирные изделия связанные с финно-угорским миром. Большая заслуга в их систематизации принадлежит М.В. Седовой.¹¹ В X-XI вв. в городе появляются различные булавки с треугольными, крестовидными и двусpirальными головками (рис. I-1, 2). В культурном слое найдено около полуторасотен подковообразных и кольцевидных фибул, многие из которых имеют аналогии в различных областях, заселенных финнами. Укажем на встреченные две массивные скорлупообразные фибулы карельского типа (слой второй по-

ловины XIII в.). Еще одна такая фибула происходит с Рюрикова городища. Интересны зооморфные привески-амулеты, являющиеся пережитками язычества и игравшие роль оберегов. Среди них пять плоских прорезных уточек и две "рогатых" уточки, имеющие широкие аналогии. О прибалтийских связях Новгорода свидетельствует находка в слое XII в. привески-коня (рис. I-6), а на связи города с территориями лежащими к востоку и северо-востоку (от Приладожья до Прикамья), указывают находки плоской уточки с рельефным орнаментом в виде крестов и полос на туловище (слой XII в.), трех плоских двуголовых привесок из слоев XII-XIV вв. (рис. I-9), полой подвески уточки (слой XI в.), конусовидной привески с петлями по краю (слой XIII в.), двух шумящих привесок-пронизок в виде буквы Ф (слой XIII-XIV вв.). Наконец, концом XII-XIV вв. датируется несколько десятков полых коньков подвесок, восходящих по происхождению к финским древностям более раннего времени (рис. I-II). Типичными финскими украшениями являются две двусpirальные привески-цепедержатели из слоев XIII-XIV вв. (рис. I-7) и привески-игольники, которые в Новгороде найдено четыре в напластованиях XII-XIII вв. а еще одно - в прунтовом могильнике Деряяницы близ города (рис. I-10).

Браслетообразное височное кольцо, один конец которого расплощен и имеет отверстие (слой XI в.) относится к верхневолжскому мерянскому типу. На поселении Холопий городок близ Новгорода встречены 4 бутылковидных подвески, широко распространенных в древностях финно-угорских народов во второй половине I – начале II тыс. н.э. Наиболее характерны они для финно-угров Волго-Окского междуречья. Самые близкие аналогии нашим находкам представлены в Михайловском могильнике Ярославского Поволжья.¹²

Редкая находка была сделана на Рюриковом городище под Новгородом. Здесь встречено кресало с бронзовой рукоятью, изображающей двух всадников с длинными носами и ушами, один из которых бородатый (рис. I-5).¹³ Подобные кресала обычно датируются второй половиной X – началом XI вв.¹⁴ Точные аналогии городищенской находке имеются в могильниках на территории Финляндии.¹⁵ Одно кресало с фигурной бронзовой рукоятью, но другим рисунком (схематическое изображение двух звериных – медвежьих голов с раскрытыми пастьюми) найдено и в самом Новгороде.¹⁶

Отношения Новгорода с финно-угорским миром были многообразны. Одни из перечисленных выше предметов, видимо, оказались в городе вместе с теми финнами, которые их носили, другие – в результате торговых связей, а трети – были изготовлены тут же местными мастерами.

За то, что в Новгороде проживало некоторое число финнов говорят подмеченное А.Б.Вареновым тяготение элементов, связанных так или иначе с финно-угорской культурой, к определенным новгородским усадьбам.¹⁷ О том, что на одной из городских улиц могли жить выходцы из "чуди" свидетельствует ее название – Чудинцева. М.Х.Алешковский полагал, что городская топонимика, восходящая к наименованиям целых народов, как в данном случае, "быть может свидетельствует о позднем происхождении улиц с такими названиями и чисто славянском населении первоначальных поселков, делившихся по патронимии, среди которых в более позднее время появились и представители других этносов".¹⁸ Однако, в связи с тем, что многие городские улицы носили имена их основателей – владельцев древнейших усадеб,¹⁹ нельзя исключать, что свое название Чудинцева улица могла получить и не от наименования целого народа, а от какого-то Чудина (Чудинца), поставившего здесь свой двор.

Некоторые исследователи (В.Л.Янин, М.Х.Алешковский, Д.А. Мачинский, Ю.С.Васильев) полагают, что названия трех древнейших концов Новгорода – Неревского, Людина и Славенского, отражают этнический состав их жителей: мери или норовы (неромы), вепсов или карел-людиков, и славян.²⁰ Кроме самих названий концов, никаких подтверждений четкого многоэтничного членения древнейшего Новгорода нет.²¹ В тоже время, причины появления тех или иных наименований городских концов могут быть различны. В частности, очень вероятно, что название Неревского конца, как еще в 1808 г. предположил Е.А.Болховитинов, происходит "от древней новгородской дороги к реке Нарове",²² шедшей в земли прибалтийской чуди (нереваэрева – одна из групп древних эстов). Топографическое местоположение конца в северо-западной части Новгорода вполне согласуется с таким решением вопроса.

Уникальной явилась находка в Новгороде, в слое середины XIII в. берестяной грамоты, написанной на карельском языке. Она оказалась почти на 600 лет старше наиболее ранних известных до сих пор карельских текстов.²³ Перевод грамоты, предложенный Ю.С.Елисеевым, следующий: "Божья стрела (молния) десять имен твоих. Стрела та она принадлежит богу. Бог судный направляет". Исследователи полагают, что это типичный заговор (заклинание) от молнии – языческая молитва.²⁴ Именно карел, приехавший по каким-то делам в Новгород, был обладателем этой грамоты, ведь для человека, не знавшего языка, она ровным счетом ничего не значила. Новгород поддерживал тесные связи с Карелией. При раскопках найдены

дено уже восемь грамот с карельскими именами и "карельскими сюжетами", причем шесть из них на одной усадьбе, обитатели которой в течение полтораста лет поддерживали связь с Карелией, являясь там сборщиками дани.²⁵ Найден даже своеобразный древний русско-прибалтийско-финский глоссарий, принадлежавший, как полагает Е.А.Хелимский, новгородцу, которому предстояло вступить в контакты с жителями Кирьяжского погоста Водской пятини, находившегося к западу от Ладожского озера.²⁶

В новгородских находках X-XI вв., имеющих финно-угорское происхождение, надо видеть, прежде всего, вещи утерянные в городе выходцами из чудских земель или попавшие сюда в результате торговли или обмена. Начиная с 30-х годов XII в., когда новгородские ремесленники переходят от работы "на заказ" к работе "на рынок", когда резко развивается мелкотоварное производство, а "продукция расчитана на широкий сбыт не только в Новгороде, но и в Новгородской земле",²⁷ вещи финно-угорского облика, в значительной части, изготавливались уже в самом городе.

Это достаточно наглядно видно на примере полых зооморфных коньковых привесок, встречающихся в слоях, начиная с конца XII и получивших наибольшее распространение в XIII-XIV вв. Подобные находки по своему происхождению считаются финно-угорскими (их находки на северо-западе Новгородской земли связываются некоторыми исследователями с летописной водью²⁸). В раскопах, расположенных в разных частях Новгорода, встречено 50 таких подвесок, не считая фрагментов.²⁹ Подвески несомненно изготавливались в самом городе. Об этом свидетельствует как однородность бронз, из которых они были отлиты, так и находки трех бракованных отливок, происходящих из разных частей Новгорода. Две такие отливки встречены в слое конца XIII в. вместе с тиглями, литейными формами и другими орудиями бронзолитейного производства.³⁰

Значительная концентрация подобных зооморфных украшений одной формы, как отмечал Е.А.Рябинин, "резко выделяет Новгород из числа всех поселений Восточной Европы". Новгородские находки составляют 32% коньковых полых подвесок, известных на всей территории Древней Руси, и превосходят подвески из многотысячных курганов Водской пятини.³¹

С чем связано такое большое количество подобных украшений непосредственно в столице Северной Руси? В.М.Седова, рассматривая их как прямые этнические индикаторы, сделала вывод об увеличении числа финноязычного населения в Новгороде - "к XIII-XIV вв.

"чудское" водское население селилось в городе повсеместно и составляло значительный процент его обитателей".³² Е.А.Рябинин пошел к решению данного вопроса несколько иначе. Он полагает, что "городские ремесленники изготавливали эти подвески в виде животных с учетом их популярности в финно-угорской среде" ("для сбыта") и из Новгорода подвески расходились по всей новгородской земле, возможно являясь одной из статей торговли "водской сотни".³³ Данный факт, считает Е.А.Рябинин "не исключает, разумеется, использования подвесок в качестве оберегов и жительницами самого Новгорода, в первую очередь выходцами из чудских областей Руси".³⁴ Из этого видно, что Е.А.Рябинин, как и М.В.Седова, также рассматривает подвески, как этнический индикатор.³⁵

Безусловно, роль работы новгородских ремесленников "на рынок, особенно начиная с XII в., была значительной. Нет сомнений, и в этом Е.А.Рябинин безусловно прав, что продукция Новгорода, в том числе и "чудские" древности, расходилась на далекие расстояния от города на Волхове.³⁶

Однако, придавая городским находкам исключительно этническую окраску, Е.А.Рябинин, и особенно М.В.Седова, на наш взгляд, недооценивают специфику древнерусской материальной культуры - ее интернационализм. Культура города безусловно была связана тысячами нитей с его окружкой, она впитала элементы традиционной народной сельской культуры, но представляла собой уже качественно новое образование. Город с его широкими связями, развитым ремеслом и торговлей, новыми культурными традициями и идеологическими течениями ломал прежние рамки, сплавляя в новые формы, наследие разных народов и этнографических групп. Б.А.Рыбаков убедительно показал два направления в развитии древнерусской культуры и искусства - сельского, традиционного и городского (посадского и дружинного), которое "тянуло нити своих связей вширь" и на котором "сказывалось соседство торговых площадей".³⁷ Мы полагаем, что многочисленные шумящие новгородские подвески XIII-XIV вв., изготавливавшиеся городскими ремесленниками и носившиеся новгородками (среди находок есть подвески с продетыми ремешками) уже не являлись строгим этническим показателем. Финно-угорские по своей семантике, они в конце XII в. - в период массовой стандартизации продукции и работы ремесленников "на рынок" - вошли в убор средневековых новгородок, характеризующийся обилием различных металлических привесок, связанных с языческими представлениями, уже не неся прямой этнической нагрузки. Можно согласиться

с Л.А.Голубевой и А.Б.Вареновым, что сам "ремесленник-горожанин уже не представлял себе подлинной иконографии изготавляемых им подвесок, но, вероятно, был уверен в традиционной благожелательности образа".³⁸ Во всем этом и сказывался "интернационализм" городской материальной культуры. Справедливо, В.Л.Янин и М.Х.Алешковский, касаясь вопросов этнического состава населения Новгорода, отказались от привлечения украшений из культурного слоя города для выводов этнического порядка, указав на характерную для города и вызванную движением моды "нивелировку" подобных находок.³⁹

Интернационализм материальной культуры Новгорода и наличие в ней элементов восходящих к финно-угорскому миру подтверждает и анализ других категорий материала. Как полагает М.В.Седова, опираясь на исследование А.А.Коновалова,⁴⁰ состав сплавов ювелирных изделий и их рецептура "не исключают возможности участия прибалтийских ювелиров в становлении новгородского ремесла".⁴¹ Некоторые изделия прибалтийского происхождения послужили прототипами для выработки уже собственно новгородских форм. Так, в слоях конца XII – начала XIII вв. найдены три булавки с двусpirальными головками, которые являются подражанием прибалтийским образцам, в частности, широко распространенным в Эстонии в XII-XIII вв. Дальнейшим развитием булавок этого типа, но уже сугубо новгородского облика, явились, найденные в слоях конца XII – начала XIV вв. 17 булавок с головками в виде трех лопастей (рис. I-3) и 18 булавок с головками в виде петушиного гребня (рис. I-4).⁴²

Таким образом, данные новгородской археологии показывают, что финно-угорское население не принимало непосредственного участия в основании города в истоке Волхова. В то же время, средневековая культура столицы Северной Руси, прежде всего связанная с производством ювелирных украшений, впитала элементы финской материальной культуры. Финны бывали в Новгороде, какая-то их группа могла жить там постоянно, а продукция новгородских ремесленников расходилась на далекие "чудские" окраины Новгородской земли.

I. Исторические судьбы финно-угорских племен в составе Новгородской земли в данной книге анализируются в очерке А.Н.Кирпичникова и Е.А.Рябинина. Цель нашей статьи иная – рассмотреть финно-угорские элементы в культуре самого Новгорода.

2. Носов Е.Н. Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып.2(12). С.19-30.
3. Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen aus Gardarike // Scando-Slavica. Copenhagen. 1957. Т. III. S.215 ff; Мельникова Е.А. Восточноевропейские топонимы с корнем *gard* – в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин. 1977. Вып. XXII. С.204-209.
4. Носов Е.Н. Новгород и новгородская округа ... С.31-38.
5. Попов А.И. 1) Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки Ленинградского университета. № 105. Серия востоковедческих наук. 1948. Вып.2. С.107-108; 2) Следы времен минувших. Л., С.46-48.
6. Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С.106.
7. Агеев Р.А. 1) Этнический термин "чудь" на территории Севера и Северо-запада СССР // Конференция по топонимике Северо-Запада СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига. 1966. С.165, 167; 2) Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970. С.195.
8. Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа ... С.125.
9. Носов Е.Н. Археологические памятники Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С.101-103.
10. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С.38-55; Ср. Носов Е.Н. Новгород и новгородская округа IX-X вв. ... С.9-17.
11. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XIV вв.) М., 1981.
12. Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX-X столетиях // МИА. 1941. № 6. С. 73. Табл. Ш - 2,6.
13. Полубояринова М.Д. Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. М., 1972. С.222,223. Рис.4-3.
14. Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. 1964. № 3. С.121,130,131. Рис. 2-14.
15. Лектосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной

- Европей в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С.88,89. Рис.6.
16. Голубева Л.А. Огнива ... С.119,126. Рис.1.
17. Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978. № 2. С.229.
18. Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX-XV веков // СА. 1974. № 3. С.102.
19. Там же.
20. Носов Е.Н. Новгород и новгородская округа IX-X вв. ... С.13, 14.
21. Носов Е.Н. Новгород и новгородская округа IX-X вв. ... С.1, 17.
22. (Болховитинов Е.А.) Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С.17.
23. Арциховский А.В. и Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М., 1963. С.120. № 29.
24. Елисеев Ю.С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Т.18. Вып.1. С.65-72.
25. Янин В.Л. Я преслал тебе бересту ... М., 1975. С.69.
26. Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В.Л., Зализняк А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.) М., 1986. С.254.
27. Колчин Б.А. Становление ремесла древнего Новгорода // Тезисы докладов советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии. М., 1975. С.54-55; Колчин Б.А., Янин В.Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С.123,124.
28. Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв) // СА. 1953. Т.ХVIII. С. 198-199.
29. Седова М.В. Ювелирные изделия ... С.31,34; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60. С.53.
30. Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты ... С.231.
31. Рябинин Е.А. I) Зооморфные украшения ... С.39 и сл.; 2) Новгород и северо-западная область Новгородской земли (Культурные взаимодействия по археологическим данным) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.51-60.
32. Седова М.В. Ювелирные изделия ... С.34.
33. Рябинин Е.А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли ... С.60.
34. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения ... С.42.
35. В статье 1974 г. Е.А.Рябинин прямо так их и называет (Рябинин Е.А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли ... С.60).
36. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения ... С.53.
37. Рыбаков Б.А. I) Русское прикладное искусство X-XIII веков. Л., 1971. С. 6,26,30,31; 2) О двух культурах древнего феодализма // Ленинские идеи в изучении истории феодального общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С.26-29.
38. Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты ... С.239.
39. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода ... С. 42.
40. Коновалов А.А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X-XIV вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С.10 и др.
41. Седова М.В. Ювелирные изделия ... С.180.
42. Там же. С.75,77.

К ст. Е.А.Рябинина, Н.В.Хвощинской "Культура ...."

Рис. I. Реконструкция женского погребального костюма по материалам могильников Северо-Восточного Причудья и Ижорского пла-то (1 - Калихновщина, кург.78; 2 - Павлов Погост, кург.219; 3 - Лашковицы, кург.38, погр.I; 4 - Лашковицы, курган-жаль-ник II; 5 - Залахтовые, кург.208; 6 - Валговицы, погр.61; 7 - Валговицы, погр.7).

К ст. Е.Н.Носова "Финно-угры и Новгород"

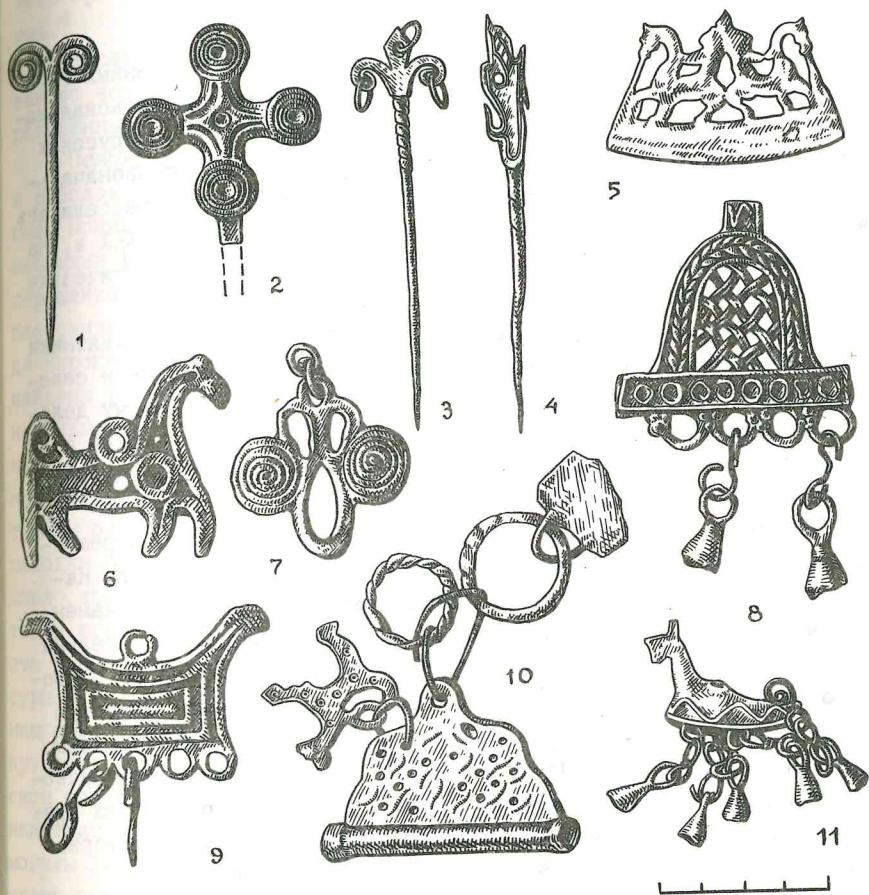

Рис. I. Предметы финно-угорской культуры из Новгорода (I-4, 6-9, II) Юрикова городища (5) и Деревяниц (10).